

Право на правду

90 лет назад родился великий советский физик, академик и правозащитник – Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989)

Удивительно, насколько прогнозируема может быть судьба вундеркинда, родившегося в семье физика и лирика (пусть примечательна и невероятна, но прогнозируема, прямо для хрестоматий), ровно до момента, пока он вдруг не начинает высказывать собственного, не подходящего для хрестоматий мнения. Прогнозы тут тоже бывают уместны, но в военных действиях ощущение последовательности часто теряется, когда личность действительно начинает верить в свою роль в истории.



Андрей Сахаров, начало 50-х годов

ФИЗИК

Отец Сахарова преподавал физику в педагогическом институте имени Ленина, а потому никто не удивлялся, что изначально учившийся дома подросток с легкостью освоился в школе (хоть и пришел туда лишь в седьмом классе), а потом с не меньшей легкостью поступил на физфак МГУ, который закончил с отличием.

Один из самых первых «анекдотов» из жизни Сахарова как раз относится к моменту его поступления в вуз. «Сергей Васильевич Вонсовский

рассказал, со слов И.Е. Тамма, как Тамм и Леонтович принимали у студента Сахарова экзамен по теории относительности, – пишет в воспоминаниях М.И. Канцельсон, – и поставили ему тройку. Потом, чуть ли не ночью после экзамена, Тамм позвонил Леонтовичу и сказал что-то вроде: «Слушай, так ведь этот студент все правильно говорил?! Это мы с тобой ничего не поняли – это нам надо тройки ставить! Надо с ним еще поговорить».

Прочие «анекдоты» были уже далеко не так веселы. Распределенный на патронный завод в Ульяновске Сахаров не только вкладывался в работу по контролю бронебойных сердечников, но и продолжал научную деятельность под руководством все того же Тамма, что в итоге привело к аспирантуре, затем защите кандидатской, докторской (в 1953 году), а затем и избранию действительным членом Академии наук СССР. Самым молодым. В тридцать два года.

Поначалу все складывалось хорошо и логично: блистательное образование, блистательный молодой ум, блистательная карьера, блистательная научная деятельность – и блистательный выход на авансцену правозащитной деятельности. Совершенно в пику всему течению предыдущих лет.

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

Изначально о собственной работе над водородной бомбой Сахаров говорил: «Субъективно я чувствовал, что



Андрей Сахаров с младшим братом Георгием (Юрой). 1930 г.

работаю во имя мира, что моя работа укрепляет баланс сил и потому приносит пользу советскому народу, да и человечеству в целом». Однако с течением времени мнение его переменилось: сначала он просто «забеспокоился» о биологической опасности испытаний в атмосфере, а затем понял, что его мнение в его же стране никого не интересует.

«В 1953–1968 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953–1962 годах участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем», – пишет Сахаров в «Автобиографии».

Затем внутренние противоречия стали еще серьезнее. Изначально продленный Хрущевым после сахаровского меморандума мораторий на испытание ядерного оружия в атмосфере в итоге окончился – и за это время Сахарову ничего не удалось сделать, что ввергло его в пучину настоящей депрессии: «Я не мог ниче-

го поделать с тем, что считал неправильным и ненужным. У меня было ужасное чувство бессилия. После этого я стал другим человеком».

Сахаров выступал против планов Хрущева по сокращению среднего образования, а потом написал письмо Брежnevу о том, что попытки возродить сталинскую политику нетерпимости к инакомыслию «были бы величайшим бедствием»

Человеком, который начал говорить правду. Сахаров выступил против планов Хрущева по сокращению среднего образования, написал письмо Брежневу о том, что попытки возродить сталинскую политику нетерпимости к инакомыслию «были бы величайшим бедствием», а в 1968 году написал манифест «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Иными

словами, он громко и отчетливо заявил властям не только о том, что имеет свое личное мнение, но также и о том, что их мнения и действия неверны.

«Это выступление стало поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. В советской прессе «Размышления» долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобрительно. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои

мысли в этой работе как очень наивные, прожекторские. С июля 1968 года, после опубликования за рубежом моей статьи «Размышления», я отстранен от секретных работ и «отлучен» от привилегий советской «номенклатуры». С 1970 г. защита прав человека, защита людей, ставших жертвами политической расправы, выходит для меня на первый план. С 1972 года все более усиливалось давление на

меня и моих близких, кругом нарастали репрессии» (А.Д. Сахаров, «Автобиография»).

Сахаров был уволен со всех постов, связанных с его разработческой деятельностью (то есть «отлучен» от секретных документов), и также понижен до старшего научного сотрудника (должность ниже советский академик попросту не мог занимать). Этот момент мог бы стать переломным в жизни одного из величайших правозащитников, поскольку смерть первой жены в 1969 году на несколько месяцев выбила Сахарова из колеи. Вкупе с потерей работы и статусов это могло привести к потере веры и убежденности и к полнейшему нежеланию что-либо делать, но и самого академика, и его идеи спасла, как ни странно, любовь.

СДВОЕННЫЙ

С Еленой Георгиевной Боннер Сахаров впервые встретился осенью 1970 года в доме правозащитника Валерия Чалидзе, но тогда их не представили друг другу. Представили позже, в Калуге, на очередном правозащитном процессе. Энергичная деловая женщина и застенчивый засекреченный академик. Она была пять лет как разведена. 47 лет, двое детей. Он – два года как вдовец. Детей – трое, возраст – 49. Ситуация не из простых даже по сегодняшним меркам, а в Советском Союзе они и вовсе были вынуждены первое время сдерживать свои чувства. Внешне все выглядело чинно: Елена помогала с собакой, когда Андрей уезжал на отдых с детьми, срывалась делать уколы, если вдруг кто-то болел. И все же 24 августа 1971 года они открылись друг другу.

«Мы с Люсей прошли на кухню, – вспоминает Сахаров, – и она поставила пластинку с концертом Альбинони. Великая музыка, глубокое внутреннее потрясение, которое я переживал, – все это слилось вместе, и я заплакал. Может, это был один из самых счастливых моментов в моей жизни». С этого времени – «наши с Люсей жизненные пути слились».

Обрести партнера не только по личной, но и по общественной жизни – величайшее счастье Сахарова. Правду говорить всегда сложно. Но куда сложнее говорить ее в одиночку. Первая жена Сахарова Клавдия Вихирева никак не высказывалась по поводу его правозащитной деятельности. Не пе-

Андрей Сахаров со своей первой женой Клавдией Вихиревой



ЧЕЛОВЕК НОМЕРА

речила, но и не поддерживала («Клава понимала значительность этой работы и возможные ее последствия для семьи – отношение ее было двойственным. Но она оставила за мной полную свободу действий»). Возможно, отчасти эта ее пассивная позиция затем привела к печально известному поведению детей Сахарова, вставших на сторону властей. Но это лишь гипотеза. А то, что единение со второй женой прибавило академику сил в борьбе с системой, – это кажется совершенно неоспоримым. «Как в старой сказке, – пишет Боннэр, – сошлись две половинки души, полное слияние, единение, отдача – во всем, от самого интимного до общемирового».

«В октябре 1971 года мы с Люсей приняли решение пожениться. У Люси были серьезные сомнения. Она боялась, что официальная регистрация нашего брака поставит под удар ее детей. Но я настоял на своем. Относительно ее сомнений я полагал, что сохранение состояния неоформленного брака еще опасней. Кто из нас был прав – сказать трудно, «контрольного эксперимента» в таких вещах не бывает. Удары по Тане, а потом по Алеше – последовали... Официальная регистрация в ЗАГСе состоялась 7 января 1972 года» («Воспоминания»).

Дальше Сахаров и Боннэр стали говорить правду вместе. Можно сказать, и Нобелевскую премию мира в 1975 «за бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между народами и за мужественную борьбу со злоупотреблениями властью и любыми формами подавления человеческого достоинства» они получали вместе (заслужил Сахаров, а выступала за него жена). Вместе же высказывались против ввода советских войск в Афганистан и в поддержку бойкота московской Олимпиады («Согласно древнему Олимпийскому статусу, во время Олимпиад войны прекращаются. Я считаю, что СССР должен вывести свои войска из Афганистана; это чрезвычайно важно для мира, для всего человечества. В противном случае Олимпийский комитет должен отказаться от проведения Олимпиады в стране, ведущей войну» – из тех же «Воспоминаний»). Вместе после 1980 года и лишения Сахарова всех правительственные наград СССР терпели уже совсем другие лишения – лишения политических ссыльных в городе Горьком.

Сахаров уже был знаком с ощущением жизни под наблюдением: спецслужбы не спускали с него глаз три года – с лета 54-го по осень 57-го. Но в ту пору он еще не объект слежки, а объект охраны, его нужно оберегать и ограждать от «нежелательных контактов». Теперь же слежка выглядела куда более прозаично. «Но гнет, давление мы ощущали постоянно... – пишет Боннэр. – Вообще это ощущение постоянного наблюдения, подглядывания, постоянного пропадания каких-то мелочей, когда начинаешь

думать, а ты сумасшедший или нет?.. Кто украл мою зубную щетку? Кто сидел на моем стуле? Кто ел из моей тарелки? Мы жили все время так...»

Но самое страшное было даже не это. В условиях слежки счастливым людям удавалось быть даже веселями и порой беспечными. Но подступавшая в какие-то моменты безысходность давила. Не столько страшны были Сахарову голодовки – чтобы жену выпустили за границу сделать операцию на сердце, чтобы детей ее не разлучали с семьями, – сколько

Андрей Сахаров и Елена Боннэр



страшны были насильтственные лечения. И еще дальше: не столько страшны были насильтственные лечения, сколько страшен был судебный произвол в отношении Елены.

ПРАВДОЗАЩИТНИК

Беда людей, говорящих правду, понятна. Их боятся власти, потому что этим людям могут поверить. Но беда Сахарова была еще страшнее: он не просто говорил правду, он говорил правду о том, что очень хорошо знает. Он работал на «систему», он видел ее изнутри, он научился в ней жить, но выбрал воевать против нее. Потому он становился еще страшнее властям. И потому они мало что могли сделать. Следовательно, они просто вели себя бесчестно.

В журнале «Смена» доктор исторических наук Яковлев опубликовал материал, в котором обвинял Елену Боннэр в происках и кознях против де-

тей Сахарова, в частности к смерти Всеволода Багрицкого (друга ее детства), в провокации ленинградского знакомого Елены, убившего жену из ревности... Лепя образ жестокой, корыстолюбивой, злой мачехи, «вышвырнувшей» детей академика на улицу, власть элементарно врала. Как и в двух других обвинениях. Врала силами газетных писак, врала си-

лами «друзей» Сахарова, которые не стеснялись выставлять его откровенным шизоидом, подпавшим под пагубное влияние ведьмы. Врала силами судебных чиновников, которые бесстыдно «занимались» этими делами. Врала, потому что других способов убеждения не было. А Сахарова нельзя было убрать – и его продолжали слушать.

Впрочем, и в деле Боннэр (а в сущности, в деле Сахарова) попадались

порядочные люди, которые просто не могли толком помочь из-за статуса.

Те же, кто мог, бездействовали. «К сожалению, мои коллеги в СССР <...>

В нобелевской речи Сахарова, зачитанной Еленой Боннэр, говорилось о том, что Сахаров стремился к миру и согласию из-за одной простой цели: «чтобы сохранить уважение к себе»

никак себя не проявили (если не говорить о таких, как академик Федоров и академик Блохин, которые выступили с публичными нападками на меня, вероятно прямо выполняя полученные ими инструкции). Между тем я думаю, что открытое публичное выступление нескольких (пяти, даже трех) заслуженных, пользующихся уважением академиков имело бы очень большое значение, могло бы изменить не только мою судьбу, но и – что гораздо существеннее – положение в стране в целом. При этом (и это тоже важно) этим людям ничего бы не грозило: не только высылка или арест, но и потеря работы, изменение их положения в научной иерархии. Максимум (максимум!) – на какое-то время были бы ограничены их поездки за рубеж. И больше ничего! Совершенно несознательные огромные возможные положительные последствия для всей страны, в том числе и для науки, ее авторитета, для личного престижа тех, кто на это решится, и – минимальный риск. Однако таких людей в научной верхушке СССР на сегодня не нашлось. Почему – не знаю, но это факт, и крайне постыдный и печальный. Неужели наша интеллигенция так измельчала со временем Короленко и Лебедева?» (А.Д. Сахаров, «Воспоминания», 1983 год).

Печально думать об этом, но, кажется, это было именно так. Никто из «весомых» не пожелал защитить человека, который – согласно его нобелевской речи, зачитанной Боннэр, – стремился к миру и согласию из-за одной простой цели: «чтобы сохранить уважение к себе». Именно это и не удалось сделать едва ли не всей стране, не сумевшей оценить правду Сахарова и Боннэр. И их борьбу за право на правду каждого из нас. Борьбу за права и правды человека, который может себя уважать.

Екатерина АЛИПОВА

Фото с сайта www.imyanauki.ru

И.В. Курчатов и А.Д. Сахаров. 1958 г.

